

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАСПАДА СССР
И ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА
(на примере Российской Федерации)**

Людмила ОЛЕЙНИК

Молдавский государственный институт международных отношений

În acest articol este întreprinsă o analiză comparată a proceselor tranziționale ce derulează în Federația Rusă. O atenție deosebită se acordă dinamicii dezvoltării instituțiilor politice în condițiile etapei de liberalizare și, respectiv, ale etapei inițiale de democratizare. În particular, se definește conceptul „proces transformațional” și componentele acestuia. Studiul de caz al autorului se axează pe analiza schimbărilor instituționale din sistemul politic, ceea ce contribuie la formularea interpretării procesului de tranziție spre democrație în această țară.

The article is devoted to the comparative analysis of transition in the Russian Federation. Special attention is paid to the dynamics of development of political institutions in conditions of liberalization, and the initial stage of democratization. In special, the definition of ‘transformation process’ and its components are given. In particular, the author analyses the institutional changes in the political system, which helps to formulate the interpretation of the transition to democratic processes in this country.

Процесс демократизации, проходивший первоначально ввиду кризиса легитимности прежнего режима, выявил ряд социальных противоречий, не преодолимых без радикальных преобразований политической системы в целом. На ранних этапах провозглашенная в СССР перестройка рассматривалась отдельными авторами как часть общемирового процесса конвергенции [6]. Новая идеология и стратегия реформ впервые были изложены М.С. Горбачевым на январском пленуме ЦК КПСС в 1987 году. Они последовательно развивались на протяжении полутора лет, а кульминацией нового реформаторского курса явилась XIX партийная конференция, состоявшаяся летом 1988 года. В результате пал не только коммунистический режим, но рухнули и государственно-партийные структуры, цементирующие СССР.

Центрист М.С. Горбачев, сторонник постепенных и эволюционных методов реформирования в рамках системы, для укрепления своих позиций в противоборстве с коммунистическими обратился за поддержкой к оппозиционным продемократическим силам вне ядра режима, стремясь одновременно не утратить контроля над ситуацией и лавируя между радикалами и консерваторами. В течение определенного времени М.С. Горбачеву удавалось успешно балансировать между теми и другими (постоянно играя на их конфликте и противостоянии) [3]. Институционализация радикальной демократической и реформаторской оппозиции (прежде всего в виде движений «Демократическая Россия», «Межрегиональная группа депутатов») вызвала ответную реакцию консервативных сил, сомкнувших свои ряды и также институционализировавшихся в рамках депутатской фракции «Союз» и Компартии РСФСР.

В 1989-1991 годах в России все более отчетливо проявлялось ослабление власти центра. Предпосылками тому стали фрагментация и поляризация социальных сил, ухудшение экономического положения. Реформирование политической системы обусловило трансформацию однопартийной диктатуры и возникновение политического плюрализма. В противовес концепции неделимости власти монолитной тоталитарной системы происходит постепенный сдвиг в сторону разделения властей. В политический строй постепенно внедряются элементы парламентаризма. Наконец, вводится ряд новых высших государственных институтов, важнейшим из которых является президентская власть. Институт президентства становится в условиях политической реформы ключевым звеном реорганизации государственного управления, а также ядром новой вертикали исполнительной власти. Введение президентской власти в постсоветских государствах стало результатом осознания невозможности проведения широких социально-экономических реформ быстрыми темпами при опоре на прежний партийный аппарат или новую законодательную власть советов. Суть состояла в постепенном переходе власти от партийных структур к государственным, что могло быть осуществлено лишь при нали-

чии независимого формально нейтрального высшего арбитра. Таким арбитром рассматривалась президентская власть как историческая преемница власти генерального секретаря.

Приход демократов и Б.Н. Ельцина к реальной власти произошел как в результате победы на выборах 12 июня 1991 года, так и в итоге крайнего ослабления власти союзного руководства после августовского путча ГКЧП 1991 года. Этот процесс завершился Беловежским соглашением о ликвидации СССР. Этим актом Б. Ельцин и российские власти избавились от остатков прежнего Центра. Затем начался обвальный распад всех других государственных структур [5].

При прежней системе Россия составляла костяк, становой хребет советской империи. Очевидно, что с утратой и дискредитацией коммунистических идеалов в общественном сознании народов бывшего СССР образовался как бы вакуум. Из многих аспектов заметно, что современный политический режим России ограничивает конституционную ротацию власти. Рассматривая особенности политических трансформаций в России, Г. Дилигенский в свое время отмечал, что российская специфика обусловлена в первую очередь отсутствием в российском обществе «благоприятной» среды для «цивилизационно-рыночной модернизации». Институциональные преобразования должны быть восприняты и закреплены в системе ценностей большей части населения. Но в современной России этого еще не произошло. Иными словами, на сегодняшний день демократические ценности, в принципе признаваемые, почти не воспринимаются массовым сознанием в качестве реального инструмента решения стоящих перед обществом проблем [1].

Демократическая консолидация и стабильное функционирование демократии не стали пока результатом отхода от тоталитарно-авторитарного правления. Процесс демократизации может вести также и к смешанному типу режимов, и даже к новым авторитарным формам правления. Такая вероятность не должна восприниматься на том основании, что демократический процесс зашел «слишком далеко». До тех пор, пока достигнутое в обществе социальное равновесие остаётся хрупким, пока экономические реформы не дали ощутимых результатов, а значительная часть населения еще не сделала своего выбора в пользу демократии, всегда найдутся силы, желающие возврата к *ancient regime* и готовые воспользоваться ошибками реформаторов. То есть, что касается отклонений от идеала, то они рассматриваются как «атавизм или патология», и хотя ожидаемое и желаемое совпадение с просвещенческими политическими нормами никогда не было полным, национальный или социальный характер отдельных групп никогда не воспринимался в качестве сколько-нибудь значимого объясняющего фактора.

Изучение исторических примеров свидетельствует, что в преддверие перехода к новому строю государством предпринимаются попытки осуществления реформ сверху, то есть преобразования существующей социальной системы без коренной ломки государственно-правовых институтов и при сохранении существующего конституционного строя. Если реформирование оказывается неудачным, глубокий социальный кризис перерастает в системный, что неизбежно вызывает переход к новому конституционному строю. Обстановка системного кризиса в переходный период способствует обострению всех внутренних противоречий данного общества. Бесконфликтным и бескризисным переход быть не может. Поэтому государственная власть должна быть готова к регулированию сложных, экстраординарных переходных процессов в обстановке затяжного и даже обвального кризиса. Системный кризис переходности обуславливает таким образом системный характер преобразований [2].

Следствием структурно-функционального кризиса российской политической системы в целом было то, что он охватил и горизонтальные, и вертикальные параметры, парализуя непосредственно механизм власти и управления. Вертикальный аспект кризиса представлен изменением отношений центра и периферии в осуществлении власти. Традиционная для советского периода формула сильного центра и безвластных регионов (национальных республик и автономий) превратилась в свою противоположность. Сформировавшиеся под прикрытием старой идеологии национальные элиты, воспользовавшись резким ослаблением центра, выдвинули свои претензии по переделу власти и собственности. Правовым оформлением новой политической реальности стали Беловежские соглашения 1991-го года – акт, фиксирующий превращение бывших национальных республик в суверенные государства. Соглашения преследовали две основных цели: они фиксировали свершившийся факт и сложившееся распределение власти, а также легитимировали новую российскую государственную власть.

Горизонтальный аспект кризиса состоял в распаде старой структуры законодательной и исполнительной власти, представленной иерархией партийных учреждений и их *alter ego* – безвластными сверху донизу советами. Это измерение кризиса особенно важно при характеристике позиций основных силовых и административных институтов армии, службы безопасности и государственного аппарата в ходе переворота, их пассивности и выжидательной позиции [4].

С самого начала посткоммунистические страны, в том числе Россия, стремились преодолеть псевдопарламентаризм позднесоветского типа и утвердить президентские режимы. Доминирующими мотивами становились угроза утраты национальной идентичности, поиски путей преодоления неэффективности правления и корпоративизма. Таким образом, вопрос о выборе оптимальной формы правления приобрел практическую актуальность. Сторонники парламентской в переходный период республики исходят из того, что эта форма более демократична и, следовательно, исторически более прогрессивна. Напротив, сторонники президентской формы правления исходят из того, что в условиях острого политического кризиса реформистски настроенная президентская власть является позитивным фактором. В числе аргументов фигурируют различные геополитические, национальные и исторические особенности страны, отсутствие гражданского общества, низкий уровень политической культуры и демократии, неразвитость политических партий и общественных движений, резкое обострение конфликтов в условиях переходного периода.

Литература:

1. Лапкин В.В., Пантин В.И. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России // Политические исследования. - 2004. - № 1. - С. 81.
2. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. - Москва, 1997, с.192.
3. Мельвиль А. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. - Москва, 1999, с.49.
4. Сорокин В. Государство переходного периода: теоретические вопросы. - Барнаул, 2000, с.21.
5. Станкевич С. История крушения СССР: политико-правовые аспекты. - Москва, 2001, с.103.
6. Фурман Д.Е. Наши десять лет: политический процесс в России с 1991 по 2001 год. - Москва, 2001, с.54.

Prezentat la 05.09.2007